

Z.V. Fomina
Turning to Traditional Values:
Cultural Policy Bases

The author analyses the deep layers of the spiritual world of Russians, forming the specifics of Russian mentality, from the viewpoint of their influence on the processes of social and cultural transformations of the last decades. The statement on the fundamental role of the basic traditional values in the system of personal attitudes in historically transient situations is grounded. Possible ways to overcome the crisis in the spiritual realm are considered.

Key words and word-combinations: spirituality, spiritual world of an individual, Russian mentality, basic values.

Анализируются глубинные слои духовного мира россиян, образующие специфику российского менталитета, с точки зрения их влияния на процессы социокультурных трансформаций последних десятилетий. Обосновывается положение о фундаментальной роли базовых традиционных ценностей в системе личностных ориентаций в исторически переходных ситуациях. Рассматриваются возможные пути преодоления кризисных явлений в духовной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: духовность, духовный мир личности, российский менталитет, базовые ценности.

УДК 008.001
ББК 71.4

З.В. Фомина

ПОВОРОТ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ: ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Новая волна «холодной войны», в которую оказалась втянутой современная Россия, интенсифицировала процессы возвращения к традиционным ценностям нашего социума. Однако речь идет именно об интенсификации: указанная тенденция возникла значительно раньше и причины ее выходят далеко за пределы необходимости решения сиюминутных с исторической точки зрения задач – противостояния западным санкциям и опоры на аутентичные экономические резервы. Весьма знаменательно в этом контексте объявление в России 2014 года Годом культуры, а 2015-го – Годом литературы. Нет никакого сомнения, что целью этой акции является акцентирование именно традиционной русской культуры и литературы, рассматриваемой как существенный фактор духовной консолидации общества. Обращение к теме данной статьи мотивировано стремлением с более общих позиций осмыслить духовную ситуацию, в которой оказалось современное российское общество. В связи с актуализацией проблемы традиционных ценностей представляется целесообразным порассуждать о некоторых фундаментальных особенностях внутреннего мира россиян, определяющих менталитет народа и имеющих архетипический характер.

В культурном пространстве нашего социума общим местом стали утверждения о духовном кризисе общества, нравственной дег-

радации личности, об утрате традиционной русской духовности и наступлении ценностей бездуховного техницистского Запада. Эти утверждения не лишены оснований, хотя и требуют дополнительных экспликаций, ибо сами проявления указанного кризиса видятся неодинаково: то, что одним представляется упадком, для других выступает свидетельством обновления и возрождения. И тем не менее само наличие кризисной ситуации, определенная трансформация, связанная с утратой существенных характеристик духовного облика народа, вряд ли могут вызывать сомнения.

Попробуем разобраться в этом процессе глубже, с тем чтобы выяснить, существуют ли в современной ситуации какие-либо духовные ресурсы, способные противостоять нравственной деградации общества. Первоначальный, поверхностный взгляд фиксирует переориентацию в системе ценностей: то, что раньше осуждалось, отодвигалось на обочину сознания («вещизм», «потребительская психология», частный интерес), становится основной целью и стимулом развития. Эта ситуация отказа от высших, однако запредельных, нереализуемых ценностей порождает аллюзию, заставляющую вспомнить знаменитый тезис Ницше (в постсоветской России «Бог умер» во второй раз). При этом до нашего соотечественника тех лет, словно впервые, докатилось ницшеанское «Хватит прятать голову в песок высших ценностей!», и он безоглядно ринулся к реально ощутимым земным благам, ясно вырисовывающимся на западном горизонте, благо они теперь совсем рядом, близко, прямо перед заново открывшимися глазами («Будем жить, как в Европе!»). Ринулся со всем грузом злополучного менталитета – склонностью к крайностям («пан или пропал»), к недооценке фактора времени («сейчас или никогда»), к нравственному авантюризму («не погрешешь – не покаешься»).

Отмеченная инверсия вполне закономерна. В условиях тотальной недостаточности, своеобразного социального вакуума (отсутствия как материальных условий, так и духовных опор) прежде всего заявляет о себе телесное – наиболее фундаментальные, неотложные, жизненно важные потребности. Уместно вспомнить, что создатель «гуманистической этики» Абрахам Маслоу считал удовлетворение этих естественных («низших») потребностей необходимой предпосылкой формирования и удовлетворения более высоких – социальных и метапотребностей. При этом он подчеркивал, что низшие, физиологические потребности обладают значительно большей силой, чем высшие, и заявляют о себе с непреодолимой силой [1, с. 191]. Удовлетворение именно этих потребностей и предлагает в первую очередь западная модель, разумеется превратно, поверхностно понятая на уровне общественной психологии, однако в силу указанных причин легко воспринятая и широко распространившаяся. Таким образом, произошло изменение приоритетов в системе базовых ценностей. В условиях, когда труд так и не стал в сознании людей важнейшим и необходимым условием достижения материального благополучия, такая переориентация несет в себе огромную опасность для всей духовной жизни общества и является серьезным нравственным испытанием для каждой отдельной личности, поскольку порождает стремление к достижению богатства *любым* путем.

Дело не только в том, что отмеченная ориентация порождает преступность

в «низах» и коррупцию в «верхах». Куда более серьезными представляются нравственно-психологические последствия указанных процессов: главной ценностью становится ничем не сдерживаемое, неконтролируемое удовлетворение желаний в его самом широком диапазоне (не только потребности в пище, одежде, жилище и т.п., но и в сексе, власти, самоутверждении). Разумеется, само по себе стремление к удовлетворению указанных потребностей вполне естественно и не несет в себе ничего негативного. Опасение вызывает то, что в условиях отсутствия каких-либо устойчивых духовных оснований и культурных ограничений реализация этих интенций принимает чаще всего примитивные, некультурные формы (достаточно упомянуть засилье самых низкопробных образцов массового искусства, скандальные шоу на центральном телевидении и изобилие типографской продукции порнографического характера). Можно ли остановить этот процесс? Или, по крайней мере, можно ли в него вмешаться?

Для ответа на эти вопросы, для понимания сущности духовной эволюции современного российского общества недостаточно простой фиксации фактов и обобщения на уровне явлений (вроде выяснения рейтингов материальных и духовных ценностей). Необходимо более глубокое исследование фундаментальных оснований духовной жизни народа, в частности имеет смысл вновь обратиться к осмыслению особенностей российского менталитета. Характеристики последнего уже достаточно подробно проанализированы в литературе – остается лишь выяснить их место и роль в современной социокультурной ситуации. При этом следует, по возможности, избегать односторонностей и включать в сферу анализа как «положительные», так и «отрицательные» проявления указанного менталитета.

На чем основаны утверждения о существовании так называемой русской духовности? Прежде всего обратим внимание на такую важнейшую специфическую черту русского сознания, как тяга к абсолютному, интенция к высшим, надприродным смыслам и ценностям. Эта особенность уже анализировалась нами в предыдущих работах. Приведем здесь лишь один из фрагментов: «Развивавшаяся в условиях вечной скудости материальной жизни, русская мысль никогда не ориентировалась на создание “земного рая” как *последней* цели человеческого существования. Русскому сознанию чуждо ограниченное по своей сути стремление к кропотливому будничному устройению жизни, к строгой упорядоченности земного существования, свойственное цивилизованному европейцу. Оно всегда направлено к запредельному, сверхбыденному, стремится к Высшему, Абсолютному» [2, с. 188]. Данное утверждение не претендует на универсализм: оно не означает, что духовность с необходимостью присуща, «врождена» всем без исключения россиянам. Вместе с тем речь идет о фундаментальной характеристике российского менталитета, которая, не всегда выступая в явной форме, часто пребывая в зачаточном, потенциальном состоянии, тем не менее подспудно проявляется в определенной жизненной направленности. Озабоченность «вечными» проблемами при известном пренебрежении к бытовой стороне жизни, а также особенная склонность к душевному общению – это существенные черты, характеризующие российскую ментальность независимо от степени их индивидуального проявления. Всеобщность и фунда-

ментальность указанных характеристик, а равно и акцентирование русской духовности не означает, что русскому человеку полностью чужды чувственные удовольствия и радости материальной жизни. Однако за всеми жизненными проявлениями русской душе всегда видится некий иной план, не позволяющий остановиться на наличной действительности как на последней цели и побуждающий искать это неопределенное, но смутно улавливаемое нечто как безусловное и общезначимое, составляющее действительный смысл бытия.

Как бы то ни было, нельзя не признать, что сознание большинства российских обывателей периода «перестройки» было направлено лишь на внешнюю сторону западного образа жизни, точнее сказать – на его результат, достигнутый в ходе методичного, организованного и кропотливого труда множества поколений. Справедливости ради следует сказать, что сам по себе труд уже не является первостатейной ценностью и для западного обывателя, на что обращает внимание, например, французский социолог Ж. Дюмазедье [3]. Благополучие современного среднего европейца – не только его личная заслуга и результат его собственного труда. Он пользуется наличными благами цивилизации, часто не задумываясь об их источниках, что и дало основание Х. Ортеге-и-Гассету назвать его «избалованным ребенком» [4, с. 124]. Современный россиянин часто работает больше и напряженнее. Но у нас нет возможности пожинать плоды предшествующих поколений – мы сами еще только должны создать эту базу для себя и своих детей.

Осуществление этой задачи наталкивается на препятствия, уходящие своими корнями все в те же особенности национального менталитета. Это – отсутствие не только привычки, но и склонности к отмеченному ранее методичному, организованному и кропотливому труду. Предпринятая в советское время попытка идеологов коммунизма поднять престиж коллективного труда как условия всеобщего благоденствия не увенчалась успехом прежде всего, конечно, потому, что в нем отсутствовали действенные стимулы (если уж не личная заинтересованность, то хотя бы процветание общества как результат труда – однако и последнее не было достигнуто). Но может быть, здесь сыграла роль и другая причина (архетипического характера), а именно то, что материальное благополучие – не та цель, ради которой русский человек станет «усиливаться», чему подчинит всю свою жизнь.

Обратим внимание и на другую характерную черту российского менталитета, существенную для наших дальнейших рассуждений, – склонность к коллективизму (в религиозно-мистическом модусе представляющую как соборность). Коллективизм, порожденный общинностью, обеспечивал поддержку индивида в его жизненном обустройстве, соборность – ощущение духовного единства, принадлежности единому (большому, более значимому, чем отдельная личность) целому. Определение соборности как духовного единства отдельных личностей, индивидуальностей не меняет сути дела, не снимает (в смысле отрицания) ее понимания как общности, коллективности. В соборности главное все же не индивидуальность, а принадлежность духовному *единству*. Именно эти особенности обеспечили успех коммунистической пропаганды и позволили большевикам вовлечь огромные массы людей в исторический эксперимент, пер-

спективы которого соответствовали традиционным устремлениям русского человека: опять все вместе, опять к высоким целям. Светлое будущее, рай на земле, и притом для всех. Следует особо подчеркнуть, что стремление к построению «рая на земле» в сознании россиян несет, на наш взгляд, специфический аксиологический смысл: ценность его определяется не только и даже не столько ориентацией на земные блага, материальное обустройство, сколько возможностью достижения социальной справедливости – благополучия для всех.

Однако ценности, провозглашенные большевиками, могли увлечь умы и души, но не могли их удержать, могли стать стимулом движения, социальных изменений, но не могли выполнить функцию устойчивых духовных ориентиров – по причинам, уже случившимся в истории. Имеются в виду и лицемерие идеологов, аналогичное тому, что в свое время побудило Ф. Ницше обвинить христианство во лжи и фальсификации и назвать священника опаснейшим паразитом, и несовпадение целей и результатов: в социалистической действительности коллектив стал фактором не только взаимной поддержки людей (последнего отрицать нельзя), но и подавления отдельной личности. Коллективизм эволюционировал в тоталитаризм. Духовное единство обернулось запретом на инакомыслие и подавлением всего личностного, индивидуального. Наконец, практика социализма обнаружила несостоятельность продекларированных претензий не только на построение коллективного рая на земле, но и на обеспечение элементарного материального благополучия граждан. Все это не могло не подготовить условий для новой переоценки ценностей, которая и произошла в нынешний период истории нашего общества.

Впрочем, и здесь сказались особенности национального менталитета, в частности многократно упомянутый переход из одной крайности в другую. Как заметил еще в 2000 г. Ф.Х. Кессиди, «отказ от того, что являлось негативным (или казалось таковым) в прошлом, оборачивалось и оборачивается в наши дни решительным разрушением чуть ли не всего прошлого, а стало быть, разрывом связи времени и поколений, прерыванием собственной истории» [5, с. 88]. Следствием уничтожающей критики реального социализма стало то, что были дискредитированы и те высокие цели и ценности, которые им провозглашались и в определенной степени поддерживались. В результате в постсоветский период неблагоприятной оказалась не только материальная жизнь, но и духовная жизнь лишилась каких-либо опор. В этих условиях возникла благоприятная возможность для восприятия чуждого. Неудивительно, что с первых шагов верхушечной революции, провозгласившей перестройку, произошла довольно быстрая эволюция сознания постсоветского общества, отмеченная существенными трансформациями во внутреннем мире личности, причем она значительно опередила все реальные социально-экономические изменения. Однако сфера духовного отличается важной спецификой: здесь невозможны мгновенные *коренные* изменения. Что изменилось на самом деле? Что означает так называемая «революция в умах»?

Для ответа на эти вопросы оказываются весьма интересными рассуждения и выводы Ф.Х. Кессиди о степени изменчивости менталитета народов, сделанные им на основе исследования древних греков. «Разумеется, – пишет он, – в ходе исторического развития данной этнической (национальной) общности, а также

под обратным влиянием сложившейся системы экономических отношений и политических структур, роли внешних обстоятельств... менталитет народа подвержен изменению (однако не в столь существенной степени, чтобы можно было говорить о преобразовании данного этноса в другой). Иначе говоря, в историческом развитии некоторые главные особенности характера и склада ума этноса остаются неизменными, а если и испытывают, то сравнительно незначительные изменения и преобразования» [5, с. 91]. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что сколько-нибудь серьезный анализ актуальной социокультурной ситуации не может не учитывать особенностей менталитета народа, которые с неизбежностью обнаруживаются во всех его исторических проявлениях.

Что дает данный методологический подход для понимания современной ситуации? В первую очередь он требует более осторожного, критического отношения к прямолинейным утверждениям о полной переориентации в системе ценностей россиян. Приведем хотя бы один аргумент. Сама по себе недостаточность материальных благ, отставание от Запада в уровне потребления еще не были фактором неизбежного крушения ценностей социализма. Почему? Потому что, несмотря на все отмеченные недостатки в советский период, так или иначе сохранялись и воспроизводились духовные ценности, отвечавшие базовым, фундаментальным интенциям основной массы населения. Это прежде всего справедливость, понимаемая как равенство всех в потреблении (различиями в материальном благополучии между «вождями» и массами по сравнению с бездной между «новыми» и «старыми» русскими можно пренебречь). Это и стабильность, обеспеченная гарантиями государства (выполнявшего все ту же спасительную роль общины), и, наконец, принадлежность великому целому – мощной державе (неважно, что индивидуальное потребление не удовлетворяет, зато показатели и престиж страны в целом высоки). Заметим, что значение этих базовых ценностей явно обнаружилось не в период социализма, а именно после его крушения. Оно было осознано, актуализировалось не только в ностальгических настроениях оказавшегося обманутым, обездоленным в результате приватизации народа, но и в новых откровениях бывших критиков советской системы, так называемых диссидентов.

По нашему мнению, бесполезно порассуждать о причинах этой новой (очередной) инверсии ценностей. Очевидно, речь идет не о возврате ценностей социализма, а об устойчивом приоритете в менталитете народа основных базовых (духовных) ценностей, которые, независимо от социальных модификаций, то есть от характера социально-экономических отношений, составляющих внешнюю оболочку духовной жизни, сохраняют свое субстанциональное значение, выступая системообразующим фактором всей социальной жизни общества и личности.

Обладает ли данный вывод эвристической ценностью? Есть ли в нем позитивный смысл? Иными словами, может ли он помочь преодолению духовного кризиса? Обратим внимание на следующее обстоятельство. Опасность современной ситуации очевидна и осознается всеми, в том числе высшим руководством страны. Однако попытки решить проблему старыми модернистскими методами, когда управляющая элита, якобы знающая, куда и как идти, направляет развитие общества, опираясь на ту или иную теоретическую конструкцию,

в настоящее время уже не могут иметь успеха. Дискурсивные практики исчерпали себя: слово, столь часто прикрывавшее очевидную ложь, утратило свою силу. Не случайно поиски национальной идеи, предпринятые в свое время официальными идеологами, не увенчались успехом: они осуществлялись не в том месте. Изменить духовно-нравственную атмосферу в обществе путем убеждения, апелляции к сознанию, воздействуя на сферу рационального, ныне уже невозможно («Бог умер!»).

Отметим лишь одну возможную «сферу влияния», которая имеет непосредственное отношение к трансформациям духовного мира личности. В сложившейся ситуации, думается, есть лишь один источник, на дне которого еще можно обнаружить живительную влагу человеческой духовности – внутренний мир человека, та самая характерная для российского менталитета, метафизичность, запредельность, глубоко затаившееся (запрятанное?) изначальное стремление к высшему, абсолютному – то, что Иван Ильин назвал «духовностью инстинкта». Эти глубинные пласты внутреннего мира, иррациональные в своей основе, могут быть пробуждены, активизированы только иррациональными же силами. Особая, исключительная роль принадлежит здесь искусству, и в частности музыке. Это утверждение может показаться утопичным, проявлением некоего романтического прекраснотворения. Однако признаки осознания важности указанной сферы уже налицо: об этом свидетельствует хотя бы предложенный министерством культуры Российской Федерации для обсуждения проект Программы развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 год, в котором продекларировано возвращение к традициям воспитания и образования, подчеркнута *особая роль музыкальной культуры* в формировании духовного мира человека, в развитии общества в целом [6].

Тезис об исцеляющей, очищающей роли искусства не нов и не оригинален. Но почему мы должны принимать во внимание только новое? Возможно, стоит обратиться к опыту и мудрости наших предшественников, размышлявших все о тех же вечных философских вопросах, что и мы. Не случайно в последнее время все чаще обнаруживаются неоконсервативные тенденции в современной философской и культурологической мысли не только в России, но и на Западе [7, с. 68–69]. Речь не идет о возможности нравственного исцеления общества посредством воздействия одного только высокого искусства, но о необходимости более пристального внимания к сфере культуры. Думается, наблюдающаяся духовная трансформация личности представляет собой более значимое для нашего будущего развитие событие, чем сокращение объемов производства или снижение экономической эффективности.

В заключение отметим, что высокое искусство и так называемые высшие ценности никогда не будут реальным действенным ориентиром основной массы населения – все проявления и следствия «восстания масс» со времен Ортеги-и-Гассета и по сегодняшний день остаются в силе. Однако для сохранения и жизни культуры, для воспроизведения человеческого в человеке достаточно того, чтобы хотя бы часть (пусть очень небольшая) общества была носителем этих высших ценностей, которые задают образцы собственно человеческого бытия и устанавливают те самые пределы, выход за которые превращает челове-

ка в «обезьяну цивилизации». А это уже проблема культурной политики и практики государственного управления сферой культуры.

Библиографический список

1. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.
2. Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценности. Саратов, 1997.
3. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга. М., 2003.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.
5. Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. 2000. № 6.
6. Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 год (проект). URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=59536
7. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.

Ya.V. Vedeneva
**Trends in the Transformation
of Law Enforcement Service
in the Context of the Russian
Federation Public Service Reform**

The current conditions of reforming the system of law enforcement authorities are considered. The author analyzes the legal basis for the organization of law enforcement service and reveals the contradictions of rhetoric and practice of the transformation of one of the key agencies in the system of law enforcement institutions.

Key words and word-combinations: reform of the Interior Ministry, police, modernization, public service.

Рассматриваются условия реформирования системы органов охраны правопорядка. Анализируются законодательные основы, регулирующие вопросы организации правоохранительной службы? позволяющие выявить противоречия риторики и практики процесса трансформации одного из ключевых ведомств.

Ключевые слова и словосочетания: реформа МВД, полиция, модернизация, государственная служба.

УДК 342.56
ББК 67.7

Я.В. Веденева

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Устойчивое состояние государства напрямую зависит от эффективной деятельности системы обеспечения его правоохранительной функции. В настоящий период в действующем законодательстве нет перечня, четко закрепляющего субъекты правоохранительной системы. Наряду с устоявшейся традицией использования понятия «правоохранительные органы» отсутствуют формальные основания определения тех или иных федеральных ор-